

The article reviews background and policy framework for PPP reform and its current development. Descriptive analysis based on 257 firm-college pairs and 1,679 specific collaboration practices between 171 vocational colleges and 257 industry partners show the most common forms of collaboration at provincial level include master instructors assigned by firms, faculty training, stipends and wages for students, and student aid. Moreover, there is a high degree of variation in terms of popularity of each practice among firms. Firm's choice of collaboration model depends on its ownership type. This paper further illustrates how intermediary organizations can facilitate inter-firm collaboration and school-firm cooperation under three PPP coordination models, including firm-led, government-led, and joint-led model, based on analyses of multiple case studies in various Chinese regions. The paper concludes with a summary of findings and suggestions for future PPP coordination.

Keywords: *public-private-partnership, China, intermediary organizations.*

JEL Classification: D22, I28, I25, J24.

И. Маркес П

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
факультет социальных наук, департамент политической науки, Москва

Журнал НЭА,
№4 (36), 2017,
с. 198–207

Профессиональное образование и механизмы государственно-частных партнерств в российских регионах¹

Аннотация. Исследования по проблемам экономического развития показывают, что рост производительности является важным фактором для перехода в категорию стран с высокими доходами. Профессиональное образование рассматривается как одно из средств достижения данной цели. Однако для этого необходимо соответствие между содержанием образовательных программ и спросом на квалификации со стороны предприятий. Усилия федеральных и региональных властей в России, направленные на поощрение государственно-частного партнерства (ГЧП) между предприятиями и учреждениями профессионального образования, – одно из средств обеспечения такого соответствия. Однако существует много различий между регионами в формах ГЧП и их внедрении. Данная статья описывает современные формы профессионального образования в России, используя оригинальные базы данных по ГЧП в регионах России, и пытается объяснить причины региональных различий в масштабах внедрения ГЧП в сфере профессионального образования.

Ключевые слова: *среднее профессиональное образование (СПО), дуальное образование, практико-ориентированное профессиональное обучение, государственно-частное партнерство, Россия.*

Классификация JEL: D22, I28, I25, J24.

Исследователи ловушки среднего дохода отмечают, что главным препятствием для дальнейшего развития стран, достигших среднего уровня доходов, становится замедление роста производительности труда (Doner, Schneider, 2016). Такие страны оказываются «неспособны конкурировать в экспорте промышленных товаров со странами с низким уровнем дохода и заработной платы и неспособны конкурировать с передовыми экономиками в инновациях, требующих высокой квалификации...» (Kharas,

Kohli, 2011, p. 282). В России разрыв между квалификациями, которые нужны работодателям, и теми навыками, которыми обладают выпускники учебных заведений, представляется весьма глубоким. Этот разрыв может служить объяснением медленного роста экономики в последние годы. Опросы бизнес-сообщества регулярно показывают, что более 60% российских фирм в числе наиболее острых проблем называют нехватку квалифицированных кадров (ОПОРА, 2012; РСПП, 2014).

¹ Статья основана на результатах исследований, проведенных НИУ ВШЭ в рамках гранта Российского научного фонда (№ 16-18-10425) «Частно-государственное партнерство в среднем профессиональном образовании: на примере фирм в России и Китае».

Одним из решений проблемы разрыва между спросом и предложением квалифицированных кадров является взаимодействие между фирмами и учебными заведениями. Если предприятия имеют возможность влиять на формирование программ обучения, это минимизирует время и финансовые затраты на адаптацию выпускников в фирмах. Взаимодействие между фирмами и учебными заведениями создает стимулы для студентов приобретать высокую квалификацию в востребованных специальностях. Тем самым становится возможной подготовка новых кадров специалистов, способных конкурировать по производительности труда с работниками из развитых стран. Однако бизнес трудно вовлечь в этот процесс. Помимо стандартных рисков, связанных с инвестициями, предприятия опасаются переманивания квалифицированных работников фирмами-конкурентами. Также учебные заведения в рамках кооперации с предприятиями могут уклоняться от исполнения своих обязательств и выпускать специалистов с неадекватной или неполной квалификацией, что потребует от фирм новых затрат на их переобучение.

Российские власти в последние годы стали проявлять внимание к проблеме разрыва между спросом и предложением квалифицированных кадров. С середины 2000-х годов правительство РФ провело несколько серий конкурсов для выявления лучших механизмов взаимодействия между фирмами и учебными заведениями в российских регионах (Remington, Marques, 2017; Абанкина и др., 2017; и др. в настоящем номере). Одним из предпочтительных решений оказались государственно-частные партнерства (ГЧП), в рамках которых предприятия сотрудничают с учебными заведениями с целью подготовки кадров. Однако характер и распространение механизмов ГЧП в российских регионах все еще серьезно отличаются.

В следующем разделе дано краткое описание основных форм ГЧП, возникающих в российских регионах, и показано их соотношение с опытом советского периода. В третьем разделе приводятся систематизированные данные о преобладании тех или иных форм ГЧП в различных регионах РФ. В четвертом разделе на основе результатов последних исследований дается объяснение, почему некоторым регионам лучше, чем другим, удалось внедрить и стимулировать определенные формы ГЧП.

Современные формы ГЧП в российских регионах

Для того чтобы изучить практику современных ГЧП в российских регионах, мы сформировали оригинальную базу данных на основе годовых отчетов 1654 российских учреждений среднего профессионального образования за 2013 г.² Эти отчеты учебные заведения обязаны ежегодно предоставлять в Министерство образования и науки, а также публиковать на своих вебсайтах. Хотя отчеты отличаются друг от друга по формату и составу, все учебные заведения должны включать туда данные о партнерствах с предприятиями и содержании отношений с ними. В общей сложности в этих отчетах за 2013 г. содержится информация о более чем 33 000 специфических взаимодействиях предприятий с учебными заведениями.

На основе отчетов можно четко выделить несколько различающихся между собой кластеров совместной деятельности. Наибольший интерес представляют механизмы, которые требуют от фирм больших затрат времени и/или существенных финансовых ресурсов. Трудозатратными, как правило, являются такие механизмы взаимодействия, как разработка учебных планов и оценка квалификации выпускников. В отношении таких форм ГЧП учебные заведения отмечали, что предприятия тратили много времени на подробное изложение того, какие квалификации им нужны, на разработку и утверждение учебных планов, подготовку

² В целом в России имеется 2494 учреждения среднего профессионального образования. Наши данные охватывают все эти учебные заведения, за исключением тех секторов (в основном культура и медицина), где очень мало частных работодателей.

и проведение экзаменов, а также на актуализацию образовательных программ.

Некоторые формы ГЧП требовали также прямых финансовых затрат. Отчеты описывают много случаев, когда предприятия вкладывали средства в обновление материальной базы учебных заведений или предоставляли им современное оборудование. Помимо прямых инвестиций, фирмы также выплачивали отдельным студентам стипендии или принимали их на работу на неполный рабочий день в период их обучения. Многие фирмы также соглашались гарантировать лучшим выпускникам рабочие места. Во всех этих случаях подобные практики предназначались для того, чтобы приблизить обучение в учебных заведениях к реальной практике работы в фирмах, выявить лучших студентов и дать этим студентам стимулы для получения высококачественной квалификации.

Однако не все формы ГЧП, упоминавшиеся в отчетах, являлись затратными или стремились поощрить учащихся к приобретению высокой квалификации. Например, часть предприятий предлагали только ярмарки вакансий и короткие экскурсии на производство. Отчеты также содержали информацию о прохождении производственной практики, когда учащихся отправляют в фирмы-партнеры на срок до одного месяца. Хотя проведение производственной практики, традиционной для советского периода, требует затрат от тех фирм, которые подходят к ней серьезно, некоторые рассматривают ее лишь как источник дешевой и неквалифицированной рабочей силы. К сожалению, в большинстве отчетов учебных заведений было недостаточно информации, позволяющей отделить подобную производственную практику от той, в ходе которой студенты реально приобретают новые навыки и знания.

Хотя многие описанные выше механизмы предназначены для сближения российских ГЧП с немецкой моделью дуального образования, где фирмы и учебные заведения тесно связаны друг с другом, студенты проводят по крайней мере половину времени, обучаясь на производстве, а фирмы оказывают

учебным заведениям материальную поддержку (Thelen, 2004), в действительности они поразительно похожи на практики советского периода. Как выразился директор одного из колледжей в ходе серии интервью, современные механизмы взаимодействия просто шире и плотнее, чем в советскую эпоху. Однако если содержание совместной деятельности учебных заведений и предприятий было знакомым, поддерживающие ее институты и окружающие условия радикально изменились. Предприятия стали независимыми от государства. При этом наиболее важные изменения были связаны с теми гарантиями, которые теперь должны предоставлять учебные заведения и региональные власти, чтобы добиться от фирм сотрудничества.

ГЧП в российских регионах: стилизованные факты

Для демонстрации различий между регионами по масштабам использования ГЧП в сфере среднего профессионального образования (СПО) и идентификации конкретных типов ГЧП мы кодифицировали данные из годовых отчетов учебных заведений. Кодификация была проведена с использованием набора ключевых слов в описании каждого специфического взаимодействия с конкретным предприятием. Каждая пара «фирма – учебное заведение» могла быть кодифицирована как пользователь нескольких форм ГЧП.

На рис. 1 показано распространение в регионах РФ затратных (с точки зрения потраченного времени и денег) форм ГЧП в СПО. Среди новых форм взаимодействия чаще всего встречались участие фирм в квалификационных экзаменах и в разработке стандартов – они наблюдались в 57 и 61 регионах. Наименее распространенными формами являлись прием учащихся на работу и выплата стипендий от предприятия – соответственно 24 и 35 региона. По контрасту – производственная практика советского типа широко распространена, эту форму ГЧП используют фирмы и учебные заведения в 73 регионах.

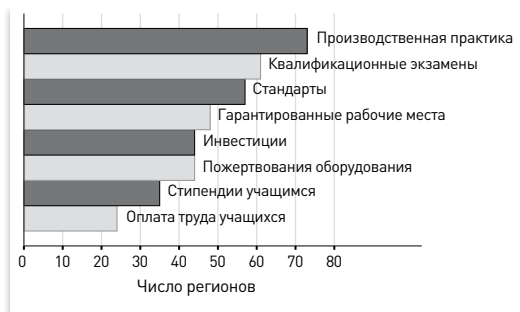

Рис. 1

Частота использования форм ГЧП в СПО в регионах РФ

Эти данные, однако, мало говорят нам о том, насколько всесторонним является профессиональное образование в регионах. Разные формы ГЧП в СПО воздействуют на разные параметры разрыва между программами обучения и реальными потребностями предприятий в навыках и квалификациях новых работников. Поэтому можно ожидать, что для наилучшего решения проблемы разрыва между спросом и предложением квалифицированных кадров регионы станут использовать несколько различных практик³.

На рис. 2 мы попытались отразить эту всесторонность СПО, показав, сколько регионов внедрили то или иное число разных новаторских затратных форм ГЧП. Как видно на графике, в 31 регионе имеется хотя бы одна пара «фирма – учебное заведение», где практикуются все новаторские затратные формы ГЧП. Эта группа по численности выше той группы регионов, где не внедрено ни одной затратной формы ГЧП (15 регионов) или используется лишь один из этих механизмов (4 региона). Таким образом, мы можем констатировать, что для преодоления разрыва между спросом и предложением квалифицированных кадров большинство регионов внедряет разные, накладывающиеся друг на друга формы взаимодействия между фирмами и учебными заведениями.

Хотя на рис. 1 и 2 показано, что многие регионы экспериментируют с новыми формами ГЧП, они не дают представления

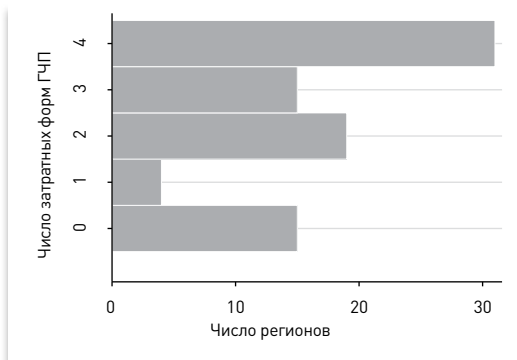

Рис. 2

Группировка регионов по числу используемых затратных механизмов взаимодействия между предприятиями и учебными заведениями

о том, насколько распространены эти формы на микроуровне, – среди учебных заведений и фирм, рис. 3 и 4 демонстрируют различия в долях учебных заведений и фирм, которые внедрили разные формы ГЧП. Для упрощения визуализации различные формы ГЧП сгруппированы в четыре категории: квалификационные экзамены и разработка стандартов; предоставление гарантированных рабочих мест; стипендии и заработная плата для студентов; инвестиции или предоставление оборудования. На каждом из графиков отражен диапазон с 25 по 75 квартиль каждой переменной, а линиями показаны медианные значения. Линии охватывают диапазон данных в пределах полутора межквартильных расстояний от медианы, а точки показывают выбросы.

Данные на рис. 3 свидетельствуют: участие предприятий в квалификационных экзаменах и разработке стандартов характерно для 17% учебных заведений в медианном регионе, в то время как только 6% учебных заведений в медианном регионе получают от фирм-партнеров инвестиции или оборудование и только у 4% учебных заведений для выпускников есть гарантированные рабочие места. Наименее распространены в регионах стипендии и заработные платы – их предоставляет только 1% учебных заведений в меди-

³ Такой подход близок к понятию «глубина взаимодействия», используемому Т. Ремингтоном в его статье в данном номере журнала.

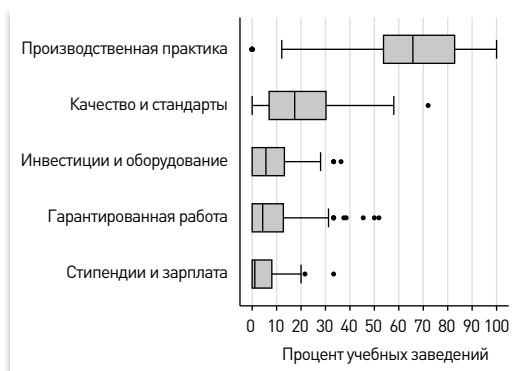

Рис. 3

Вариация доли учебных заведений, использующих не менее одного затратного механизма взаимодействия с предприятиями

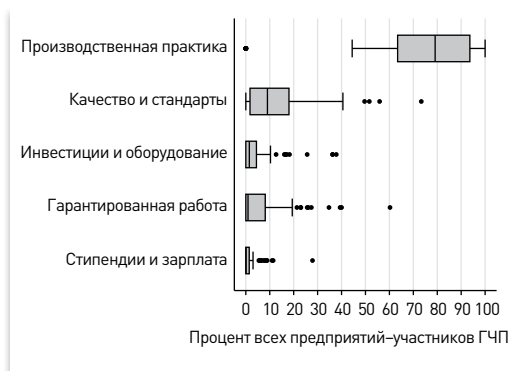

Рис. 4

Вариация доли предприятий, использующих не менее одного затратного механизма взаимодействия с учебными заведениями

анном регионе. По контрасту с этим у 66% учебных заведений в медианном регионе есть партнеры, предлагающие производственную практику. Однако, как видно на графике, все показатели отличаются большой вариацией. Например, в применении механизма стипендий и заработных плат регионы 25- и 75-го перцентилей отличаются друг от друга на 8%, и это – наименьшее различие на данном графике. Тем не менее в целом эти данные говорят о том, новаторские формы ГЧП внедрены в относительно немногих учебных заведениях.

На рис. 4 показаны доли предприятий, участвующих в разных формах ГЧП. Цифры опять-таки невысокие. В медианном регионе почти нет фирм, которые предлагают студентам стипендии или заработные платы, только 1% фирм предлагает студентам гарантированные рабочие места, а 1,4% предлагают инвестиции и оборудование. Сотрудничество в области определения квалификаций и разработки стандартов, однако, более популярное – этим занимается 9% фирм в медианном регионе. Хотя эти цифры свидетельствуют о том, что затратные формы ГЧП использует весьма небольшое число предприятий, мы снова видим очень высокую вариацию.

Определяющие факторы внедрения и распространения ГЧП в регионах

Как отмечалось во введении, одну из ключевых проблем ГЧП в сфере СПО пред-

ставляет необходимость убедить фирмы в том, что инвестированные ими время и деньги принесут отдачу. Для стран с развитой рыночной экономикой научная литература определяет две модели, которые решают центральную проблему ГЧП. Первая модель либеральной рыночной экономики (ЛРЭ) опирается на эффективные рынки, дающие адекватные сигналы экономическим агентам, и суды, обеспечивающие правоприменение (Estevez-Abe et al., 2001). Вторая модель координируемой рыночной экономики (КРЭ) опирается на комплекс формальных и неформальных институтов, предполагающих кооперацию между ассоциациями работодателей, профсоюзами и государством. Бизнес-ассоциации с обязательным членством предоставляют информацию, устанавливают контакты между фирмами и учебными заведениями, а также оказывают давление на правительство в целях мониторинга качества профессионального образования (Finegold, Soskice; Thelen, 2004). К сожалению, в России отсутствуют предпосылки для обеих моделей: рынок труда неэффективный и непрозрачный (Гимпельсон, 2010), доверие к судам всегда было низким (Gans-Morse, 2017), а ассоциации работодателей, как и гражданское общество в широком смысле, – слабые (Duvanova, 2014).

В работе (Remington, Marques, 2017) мы предложили альтернативную модель, в которой региональные власти берут на себя

главную роль гаранта ГЧП в сфере СПО, вместо того чтобы рассчитывать на бизнес-ассоциации или рынок. Мы утверждаем, что многие функции, которые при КРЭ выполняют бизнес-ассоциации (сбор информации, контроль за переманиванием кадров и обеспечение того, чтобы учебные заведения готовили выпускников в соответствии со стандартами фирм), может так же легко выполнять государство или созданные им специализированные органы. Однако там, где главную роль берет на себя государство, фирмы сталкиваются с парадоксом. С одной стороны, государство должно быть достаточно сильным и хорошо организованным, чтобы стимулировать связи между фирмами и учебными заведениями, осуществлять надзор над выполнением участниками ГЧП своих обязательств, а также принуждать их исполнять соглашения. Иными словами, государство должно обладать высокой институциональной мощностью. С другой стороны, работы по политической экономии инвестиций заставляют предположить, что государство, обладающее столь сильным бюрократическим потенциалом, может также игнорировать интересы инвесторов (North et al., 2009). При таких обстоятельствах у него будет мало стимулов для адекватного мониторинга результатов работы учебных заведений (Beazer, 2012; McNollGast, 1987). Таким образом, фирмам будут необходимы каналы доступа к государству для обеспечения его подотчетности. Ряд недавних работ позволяет предположить, что даже при отсутствии свободных и честных выборов здесь может быть достаточно доступа бизнеса к законодательным органам (Gehlbach, Keefer, 2011).

На основе тщательного изучения кейсов трех регионов: Калуги, Белгорода и Перми, – отобранных правительством РФ в качестве победителей федерального конкурса проектов СПО, мы показываем, что, как и подразумевала наша модель, региональные власти сыграли ключевую роль в объединении фирм, нуждавшихся в высококвалифици-

рованных кадрах, и в стимулировании их заключать партнерства с местными учебными заведениями. Даже в тех немногих регионах, где традиционную координирующую роль брали на себя бизнес-ассоциации (как это происходит в условиях КРЭ), именно региональные власти убеждали предприятия в необходимости принять участие в СПО. Как сказал нам директор одного из учебных заведений в Перми, регионе с широким сильным участием бизнес-ассоциаций, «губернатор собрал ТПП, собрал все министерства и директоров и сказал: “Каждое предприятие будет приписано к образовательному учреждению. И будет использоваться дуальная форма обучения”. И все они это исполняют».

Хотя толчок этим процессам во многом дали региональные власти, мы также видим определенную роль федеральных программ. В нашей статье (Remington, Marques, 2014) мы прослеживаем историческую последовательность реформ СПО и развития ГЧП в этих регионах и обнаруживаем, что энергичные усилия предпринимались еще до того, как федеральное правительство начало проводить конкурсы на получение грантов. Наш анализ сроков проведения реформы СПО в трех изученных регионах – Калуге, Белгороде и Перми – позволяет предположить, что федеральные программы послужили для предприятий дополнительной гарантией, что их инвестиции в обучение будут защищаться региональными властями и учебные заведения будут адекватно обучать выпускников. Сказанное подтверждается словами представителя Агентства стратегических инициатив (АСИ) о конкурсе федеральных грантов: «Ценность нашего эксперимента в том, что его реализация поддерживается первыми лицами регионов-победителей и находится под постоянным контролем Агентства стратегических инициатив и трех федеральных министерств»⁴.

Для проверки представленной выше модели в работе (Marques et al., 2016) мы использовали количественные данные.

⁴ Борис Белков, заместитель руководителя Департамента реализации и мониторинга «Национальной системы компетенций и квалификаций» направления «Молодые профессионалы» АСИ, 25/02/2014. Доступно на сайте: <http://asi.ru/news/16618/>.

Мы предположили, что в тех регионах, где потенциал государства для надзора за учебными заведениями выше, а у бизнеса шире доступ к власти (и тем самым он скорее может обеспечивать подотчетность властей при неисполнении учебными заведениями их обязательств по обучению), региональные власти будут способны реформировать СПО, шире используя преимущества ГЧП. Чтобы проверить данную гипотезу, мы провели серию регрессий на основе нашей базы данных о ГЧП в СПО с двумя различными зависимыми переменными. Первая – число затратных форм ГЧП, представленных на территории региона в целом, характеризует всесторонность региональной системы СПО. Вторая зависимая переменная – доля учебных заведений, которые внедрили по крайней мере одну затратную форму ГЧП, что отражает распространение подобных практик по регионам.

Результаты показали, что регионы с более высокой институциональной мощностью государства, измеряемой по их способности собирать налоги⁵ и по числу чиновников в органах исполнительной власти, одновременно шире применяют затратные формы ГЧП и используют их в большей доле учебных заведений. Аналогичные эффекты наблюдаются в регионах, где в составе законодательных органов выше доля предпринимателей и политическая конкуренция (измеряемая электорально) энергичнее. Эти результаты устойчивы и сохраняются при контроле на большое число экономических, социально-политических и демографических показателей. Более того, эти институциональные характеристики, по-видимому, описывают распространение именно затратных форм ГЧП, поскольку в моделях с такими формами взаимодействий, как производственная практика и ярмарки вакансий, они оказываются незначимыми.

Выводы

В данной работе сделана попытка описать современные формы ГЧП в сфере СПО в России и конкретные способы взаимодействия между предприятиями и учебными заведениями. Эти новаторские формы включают возможность для фирм влиять на содержание учебных планов, предоставлять учебным заведениям современное оборудование или оказывать прямую поддержку учащимся. Хотя многие регионы начали экспериментировать с этими формами ГЧП, в большинстве регионов их все еще использует лишь малая часть фирм и учебных заведений. Но при этом существует высокая вариация в использовании различных форм ГЧП и в их распространении внутри регионов. Наши предварительные результаты свидетельствуют, что большая часть этой вариации объясняется тем, в какой степени региональные власти занимаются стимулированием ГЧП в СПО и способны предоставлять фирмам гарантии качества обучения.

Что могут сделать политики для дальнейшего распространения и повышения эффективности ГЧП в данной сфере? Одним из важных следствий нашего исследования для выработки политики является то, что региональным властям нужно более активно демонстрировать бизнесу свою приверженность ГЧП в СПО. Анализ кейсов показывает, что часто это делалось путем прямого участия губернаторов в реформировании профессионального образования. Наши данные, однако, также указывают на то, что для конечной эффективности таких усилий требуется административный потенциал не ниже определенного уровня. Активность губернаторов имеет значение только в том случае, если нижестоящие чиновники в региональных администрациях способны и готовы пропагандировать ГЧП и вести дальнейшую работу для их практической реализации. Там, где административный потенциал низкий, фирмы с большей

⁵ Доля государственных доходов, состоящая из налогов и других доходов, требующих активных усилий по сбору, повсеместно используется в научной литературе как приблизительный показатель потенциала государства. Поскольку для сбора налогов требуется масштабная бюрократия, способная осуществлять надзор над соблюдением налогового законодательства и обеспечивать его применение, государствам, которые от него зависят, требуется более значительный административный, бюрократический и силовой потенциал (Gehlbach, 2008).

вероятностью станут участвовать в ГЧП, если у них есть доступ к региональным властям.

Предоставление фирмам механизмов влияния на политику в сфере СПО либо за счет представительства в местных законодательных органах, либо за счет участия в органах, координирующих СПО, может дать им гарантии, необходимые для обеспечения их участия. Наконец, наше исследование показывает важную роль федеральных инициатив (хотя, по нашему мнению, федеральные власти уделяют недостаточно внимания анализу различных форм ГЧП в СПО в разных регионах РФ и распространению лучших практик). Даже в тех регионах, где предприятия и учебные заведения уже сотрудничали, поддержка ГЧП посредством федеральных грантов стала для бизнеса важным сигналом о том, что региональные власти заслуживают доверия как партнеры в ГЧП и что фирмы получают выпускников обещанной квалификации. Тем самым федеральные программы ускорили движение в сторону ГЧП.

ЛИТЕРАТУРА

- Абанкина И.В., Дудырев Ф.Ф., Шабалин А.И.** (2017). Управление системой СПО: от бюджетной зависимости к модели частно-государственного партнерства // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (36) (в печати).
- Гимпельсон В.** (2010) Нужны ли нашей промышленности квалифицированные работники? История последнего десятилетия // *Экономическая социология*. Т. 11. № 4. С. 24–68.
- ОПОРА России** (2012). Индекс ОПОРЫ-2012: дефицит кадров для малого бизнеса – на первом месте. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://opora.ru/news/opora/61230>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: август 2017 г.)
- Ремингтон Т.Ф.** (2017). Государственно-частные партнерства в сфере СПО: адаптация немецкой модели дуального образования // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (36) (в печати).
- РСПП** (2014). Доклад о состоянии делового климата в России в 2010–2013 годах. М.: РСПП.
- Acemoglu D., Pischke J.** (1998). Why Do Firms Train? Theory and Evidence // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 113 (1). P. 79–119.
- Beazer Q.** (2012). Bureaucratic Discretion, Business Investment, and Uncertainty // *The Journal of Politics*. Vol. 74 (3). P. 637–652.
- Doner R.F., Schneider B.R.** (2016). The Middle-Income Trap: More Politics than Economics // *World Politics*. Vol. 68 (4). P. 608–644.
- Duvanova D.** (2014). Building Business in Post-Communist Russia, Eastern Europe, and Eurasia: Collective Goods, Selective Incentives, and Predatory States. Cambridge: Cambridge University Press.
- Estevez-Abe M., Iversen T., Soskice D.** (2001) Social Protection and the Formation of Skills: A Reinterpretation of the Welfare State. In: P. Hall, D. Soskice (eds.) “*Varieties of Capitalism*”. New York: Oxford.
- Finegold D., Soskice D.** (1988). The Failure of Training in Britain: Analysis and Prescription. *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 4 (3). P. 21–53.
- Gans-Morse J.** (2017). Demand for Law and the Security of Property Rights: The Case of Post-Soviet Russia // *American Political Science Review*. Vol. 111(2). P. 338–359.
- Gehlbach S.** (2008). Representation Through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. New York: Cambridge University Press.
- Gehlbach S., Keefer P.** (2011). Investment without Democracy: Ruling-Party Institutionalization and Credible Commitment in Autocracies // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 39 (2). P. 123–139.
- Kharas H., Kohli H.** (2011). What is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into It, and How Can It Be Avoided? *Global Journal of Emerging Market Economies*. Vol. 3 (3). P. 281–289.
- Marques II I., Remington T.F., Bazavluk V.** (2016). The Adoption of Costly VET Prac-

tices in Russia's Regions // *НИУ ВШЭ. Серия "Институциональные проблемы российской экономики."* WP1 No. 5.

- McCubbins M., Noll R., Weingast B.** (1987). Administrative Procedures as Instruments of Political Control // *Journal of Law, Economics, & Organization*. Vol. 3 (2). P. 243–277.
- North D. C., Wallis J.J., Weingast B.R.** (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Remington T.F., Marques II I.** (2017). The Reform of Skill Formation in Russia: Regional Responses. *Mimeo*.
- Thelen K.** (2004). *How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills in Germany, Britain, the United States, and Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.

Поступила в редакцию 9 октября 2017 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Abankina I.V., Dudyrev F.F., Shabalin A.I.** (2017). Management of VET System: From Budget Dependency to Public-Private Partnerships. *Journal of the New Economic Association*, 4 (36) (in print, in Russian).
- Acemoglu D., Pischke J.** (1998). Why Do Firms Train? Theory and Evidence. *The Quarterly Journal of Economics*, 113 (1), 79–119.
- Beazer Q.** (2012). Bureaucratic Discretion, Business Investment, and Uncertainty. *The Journal of Politics*, 74 (3), 637–652.
- Doner R.F., Schneider B.R.** (2016). The Middle-Income Trap: More Politics than Economics. *World Politics*, 68(4), 608–644.
- Duvanova D.** (2014). *Building Business in Post-Communist Russia, Eastern Europe, and Eurasia: Collective Goods, Selective Incentives, and Predatory States*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Estevez-Abe M., Iversen T., Soskice D.** (2001). Social Protection and the Formation of Skills: A Reinterpretation of the Welfare State. In: Hall P., Soskice D. (eds) *Varieties of Capitalism*. New York: Oxford.
- Finegold D., Soskice D.** (1988). The Failure of Training in Britain: Analysis and Prescription. *Oxford Review of Economic Policy*, 4 (3), 21–53.
- Gans-Morse J.** (2017). Demand for Law and the Security of Property Rights: The Case of Post-Soviet Russia. *American Political Science Review*, 111 (2), 338–359.
- Gehlbach S.** (2008). *Representation Through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States*. New York: Cambridge University Press.
- Gehlbach S., Keefer P.** (2011). Investment without Democracy: Ruling-Party Institutionalization and Credible Commitment in Autocracies. *Journal of Comparative Economics*, 39 (2), 123–139.
- Gimpelson V.** (2010). Does the Russian Industry Need Skilled Labour? Evidence from Recent History. *Journal of Economic Sociology*, 11 (4), 24–68 (in Russian).
- Kharas H., Kohli H.** (2011). What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into It, and How Can It Be Avoided? *Global Journal of Emerging Market Economies*, 3 (3), 281–289.
- Marques II I., Remington T.F., Bazavluk V.** (2016). The Adoption of Costly VET Practices in Russia's Regions. *National Research University Higher School of Economics. Series Institutional Problems of the Russian Economy*, WP1, 5 (in Russian).
- McCubbins M., Noll R., Weingast B.** (1987). Administrative Procedures as Instruments of Political Control. *Journal of Law, Economics, & Organization*, 3 (2), 243–277.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.** (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Opora Rossii** (2012). Index OPORA-2012: Shortage of Personnel for Small Businesses – in the First Place. Available at: <http://opora.ru/news/opora/61230> (accessed: August 2017, in Russian).

- Remington T.F.** (2017). Public-Private Partnerships in VET: Translating the German Model of Dual Education. *Journal of the New Economic Association*, 4 (36) (in print, in Russian).
- Remington T.F., Marques II I.** (2017). The Reform of Skill Formation in Russia: Regional Responses. Mimeo.
- RSPP** (2014). Report on the State of the Business Climate in Russia in 2010–2013. Moscow: RSPP (in Russian).
- Thelen K.** (2004). How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills in Germany, Britain, the United States, and Japan. Cambridge: Cambridge University Press.

Received 9.10.2017

I. Marques II

International Center for the Study of Institutions and Development,
School of Political Science, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Vocational Education and the Practice of Public-Private Partnerships in Russia's Regions

Abstract. Recent work on economic development has pointed to productivity growth as an important factor in enabling countries to transition to the ranks of high-income economies. Vocational education is widely seen as one of the means of achieving this, although it requires a close match between the high-quality skills that firms demand and those skills actually taught. Recent efforts by the federal and regional governments in Russia have encouraged the spread of Public-Private Partnerships (PPP) between the firms and vocational education institutions as a means to ensure such a match. There is a great deal of variation across regions in the forms of PPP and their adoption, however. This paper seeks to describe the forms of contemporary vocational education in Russia using a novel database of PPP in Russia's regions. Summarizing the recent work, it also attempts to explain why regions vary in their adoption and spread.

Keywords: *vocational education, dual education, practice-oriented professional education, public private partnerships (PPP), Russia.*

JEL Classification: D22, I28, I25, J24.